

Учителя великого педагога

Заслуги Ивана Яковлевича Яковлева в деле просвещения народов Поволжья широко известны. Понятно, отчего в душе юноши-сироты родилось страстное желание открыть своему бедному народу дорогу к знаниям. Но кто натолкнул его на глубокие мировоззренческие выводы о единственно возможном пути познания истины и правды? Кто был духовником и учителем Яковлева? Кто помог ему почувствовать и оценить недостижимую красоту Священного Писания – да так, что Иван Яковлевич смог передать эти краски в своих переводах?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Своими учителями и благодетелями Иван Яковлевич Яковлев считал многих симбирян. Он умел быть благодарным, потому что судьба его не баловала: родился в бедной семье, рано остался сиротой. На воспитание его взяла чувашская семья Пахомовых. Честные, работающие люди, они приобщили мальчика к труду и научили по-доброму относиться к людям. Трудился от зари до темна, но из нищеты не могли выбраться, жили впроголодь. У Пахомовых в холодной постройке лежал в корзине идол Ириха – злого духа. На него молились, его просили избавить от горя и несчастий. В других домах тоже были божки, на которых молились чуваша. Но духи эти никого не избавили от нищеты и болезней. Скот подыхал, дети умирали в младенчестве. Наблюдая за жизнью земляков, Яковлев пришёл к выводу: где язычество, там бедность и неграмотность – православные люди больше тянутся к культуре и просвещению.

Позже, когда юноша учился в Бурундуках на землемера, он жил в семье Мушкеева, где царил здоровый православный дух, и ещё больше укрепился в убеждении, что нужно повышать образование и культурный уровень, верить в Бога.

Первым духовником и наставником Ивана Яковлева стал отец Алексей Баратынский, служивший законоучителем в Бурундуковском училище. Иван часто обращался к нему за духовным и отцовским советом. Баратынский разглядел в пылком юноше большого педагога и миссионера, и он же, когда Иван Яковлев заработал первые деньги (за землемерные работы в имении Косинского),

посоветовал ему ехать в Симбирск поступать в гимназию.

Позже отец Алексей станет главным помощником и советчиком Яковлева в переводах церковнославянских текстов на чувашский язык, в подготовке азбуки и других книг. Отношения учителя и ученика перерастут в дружеские и растянутся на долгие годы.

Яковлев не раз говорил, что ему везло на людей, и эти замечательные люди помогли ему открыть в Симбирске чувашскую школу.

В Симбирске он познакомился с семьёй Глазовых. Общества Иван избегал (очень стеснялся своего бескультурья), а сюда приходил с удовольствием. Глазовы относились к нему как к сыну, научили хорошим манерам, приобщили к театру и музыке. В свой дом они приглашали только лучших воспитанников гимназии, привлекали их к участию в домашних спектаклях и музыкальных вечерах, к чтению вслух произведений мировой классики.

Поразили Яковлева книги, которые он увидел в доме на этажерке, и юноша бросился их читать. Это Достоевский – «Преступление и наказание», Гончаров – «Фрегат "Паллада"», Тургенев и Лев Толстой...

Дочь Глазовых, Александра Ардалионовна, была очень образованной девушкой. Играла на рояле, в совершенстве владела языками: французским, немецким, английским. Много путешествовала за границей. Конечно же, она не могла не сразить сердце гимназиста, но своих тайных чувств Иван не посмел выдать, и постепенно пылкая влюблённость переросла в дружбу.

Он уехал в Казань и поступил в университет. Молодые люди переписывались. Александра помогала Яковлеву, приняв на себя заботы о Симбирской чувашской школе.

В Казани Яковлев встретил педагога, который перевернул его жизнь. Это был Николай Иванович Ильминский – человек редкого ума, высокой духовности и необычайной порядочности. Он преподавал в Казанском университете (после окончания Казанской духовной академии некоторое время преподавал там же, позже – почётный член Казанской духовной академии, член-корреспондент Академии наук).

С первой встречи Ильминский произвёл на Яковлева сильнейшее впечатление. Он был полиглотом и свободно говорил на всех восточных языках. «Мне языки Богом посланы», – говорил Николай Иванович. На самом деле он обошёл все мусульманские страны: Египет, Турцию, Палестину, Ливан – и всё пешком, опираясь на палку! Синод командировал его на Восток для изучения языков и древних памятников. Однажды в Турции один религиозный фанатик хотел убить миссионера, но потом сказал: «Что-то удерживает меня убить тебя, неверный».

«На чужбине я побывал в разных православных монастырях, – рассказывал Николай Иванович, – имел счастье быть у Гроба Господня в Иерусалиме. В первый день Святой Пасхи в храме было так тесно, что иерусалимский патриарх провёл меня в алтарь через Царские врата. Но самый большой подарок Господа – это встреча с Феофаном Затворником. Трогательный, тонкий человек –

Николай Иванович Ильминский

монах Феофан. Мы с ним очень подружились». Ильминский признавался, что встреча с монахом стала для него судьбоносной.

Николай Иванович переводил тексты Священного Писания на татарский язык. Работая над переводами, он старался сохранить старославянскую певучесть Псалтири и добился-таки того, что псалмы зазвучали, как песня. Он радовался как ребёнок, когда слышал, что старокрещёные татары поют переведённые им псалмы как народные песни.

Яковлев специально снял жильё рядом с квартирой Ильминского, которая стала настоящим центром изучения фонетики тюркских языков. Иван подолгу наблюдал за работой Николая Ивановича над текстами и старался как можно глубже постичь тайны греческого и церковнославянского, а также тюркских языков. Под влиянием учителя Яковлев сам начал переводить Евангелие от Матфея на чувашский язык. Работа не шла, но примером для него был Николай Иванович: стараясь достичь точности и совершенства перевода, Ильминский всегда сравнивал греческие, латинские и французские тексты.

Николай Иванович вёл обширную переписку и получал несколько десятков писем за неделю. Сколько раз он писал обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву против распространения среди татар светского турецкого образования! Он был убеждён, что светские, неверующие националисты представляют опасность для государства, в то время как традиционные мусульмане миролюбивы и великодушны.

Осенью 1870 года Иван Яковлевич начал работу над составлением алфавита, в котором учитывались специфические звуки чувашского языка. Итогом стал алфавит из 47 букв. Он оказался сложен для детей, и Яковлев решил его сократить. Позже Яковлев максимально приблизил чувашский алфавит к русскому, оставив 37 букв: 33 русские и 4 буквы «с щетинами» (чёрточка над буквой, обозначающая мягкость гласного звука).

В 1872 году были изданы перевод книги «Начальное учение православной христианской веры» с татарского языка и «Букварь для чуваш», который стал официальным учебником. На титульном листе значилось: «Букварь, религиозно-нравственные наставления и молитвы и избранные места из Священного Писания».

После окончания университета в 1875 году Иван Яковлевич Яковлев получил должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. В его ведение входила и созданная им Симбирская чувашская школа. С 1871 года школа стала получать ассигнования от казны, а с августа заняла собственное здание и была признана Центральной чувашской школой с правом подготовки учителей для сельских начальных школ.

Яковлев по-прежнему оставался близким другом семьи Ильминских. Ему нравилась тёплая атмосфера дома, душой которого всегда была супруга Николая Ивановича Екатерина Степановна. Она была добрым ангелом и соратником мужа: взяла шефство над питомцами миссионерского приюта, которым он руководил, помогала с переводами. У супругов Ильминских не было своих детей – они воспитывали троих детей, оставшихся сиротами после смерти друга-миссионера Бобровникова.

Незаметно для Ивана Яковлевича приёмная дочь Ильминских Катенька выросла и превратилась в прекрасную, умную девушку. Правда, он по-прежнему относился к ней как к ребёнку, но всё чаще делился с Катей педагогическими идеями и планами. Иногда ходил с ней в оперу и даже там пытался рассказывать юной спутнице о чувашской школе, о проблемах обучения инородцев. Она слушала его с неподдельным интересом, не скрывая восторга.

Однажды – это было в 1877 году – Яковлев остался ночевать в кабинете Ильминского, и учитель отважился на открытый разговор. Его монолог выглядел примерно так:

– Ты, Иван Яковлевич, многого уже достиг, хотя тебе нет ещё и 30-ти лет. Создал алфавит – теперь чувашский язык из устного стал письменным. И должность у тебя большая: инспектор чувашских школ Казанского учебного округа. Пора подумать о женитьбе. Тебе нужна не просто жена, а соратница.

Яковлев согласно закивал головой и признался, что хотел бы иметь жену-соратницу, как у Ильминского.

– Ты не можешь не догадываться, к чему я веду этот разговор, – продолжил Николай Иванович. – Катенька Бобровникова и её братья воспитываются в нашей семье с младенчества, они для нас родные. Мы воспитывали их, как воспитывали бы своих собственных детей, и вложили в них свои мысли и чувства. Я уверен, что Катя будет такой же идеальной женой и другом, какой все эти годы была для меня Екатерина Степановна.

Яковлев был растерян: он действительно относился к Кате как к другу и не более... Но учитель сумел его убедить:

– Любовь – не страсть, а труд и борьба. Представь такую картину: стоит человек на пустынной земле и мечтает о прекрасном саде. Что он должен делать для осуществления своей мечты? Правильно: трудиться!

Женитьба на 17-летней Екатерине Бобровниковой сделала Яковлева не только счастливым мужем и отцом, но и подарила преданного друга и соратника. Благодаря супруге Яковлев смог открыть при чувашской школе в 1878 году женское отделение, заботы о котором полностью легли на Екатерину Алексеевну.

А Иван Яковлевич продолжал заниматься любимым делом. В 1890 году он добился реорганизации Центральной чувашской школы в учительскую с шестилетним сроком обучения. За 28 неполных лет заведования чувашскими школами (1875–1903 гг.) им было открыто около 400 сельских министерских и земских чувашских школ, в которых почти исключительно работали бывшие ученики и ученицы Симбирской учительской школы.

Переехав в Симбирск, Яковлевы построили дом, в котором первый этаж заняла их семья, а на втором расположились классы. Для строительства дома и других построек требовались деньги, и семья жила в долг. К окончанию строительства долг составил почти девять тысяч рублей – огромная по тем временам сумма. Она могла быть и больше, если бы по высочайшему повелению Яковлеву не выдали три тысячи рублей за прежние постройки Симбирской школы. Позже был построен ещё и каменный флигель, предназначенный под помещение мастерских. Строился он украдкой, без ведома министерства, на случайные гроши.

Ни одного упрека не слышал Иван Яковлевич от жены: Симбирская чувашская школа стала для них общим делом. Иногда лишь Катенька весело бурчала: «Тянешь из дома всё, что можно: и жалованье, и пенсию – приходится занимать на мелкие расходы по трёшнице».

Покончив со строительными делами, Яковлев взялся излагать систему обучения и воспитания иногородцев в специальной докладной записке. За основу он взял принципы, которые ранее в устной форме высказывал его учитель – Н.И. Ильминский.

Во-первых, обучение детей должно вестись на родных языках, а для этого нужны учебные пособия на родном языке: буквари, книги для чтения, Закон Божий.

Во-вторых, русский язык надобно изучать с использованием учебников на родном языке.

В-третьих, учителя должны иметь качественное педагогическое образование и быть искренне православными.

И ещё очень важно: надо обучать в школах девочек! Вопреки российским законам, считать возможным совместное обучение юношей и девушек в средних и высших учебных заведениях.

Яковлевы подняли троих детей: Алексея, Николая, Лиду. Двоих схоронили. И так же, как Ильминские, помогли осиротевшим детям: в селе Болховское Курмышского уезда умерли в 1910 году священник Н.А. Воскресенский и его супруга, сиротами остались четверо детей. Дом Яковлевых стал для них родным. Девочек Юлию, Маню и Валю

определили в Симбирское епархиальное училище, младшего Володю – в духовную семинарию.

Интересно письмо Екатерины Алексеевны, адресованное сыну Алексею в Москву, где она увлечённо пишет о своих воспитанниках:

«Вчера мы праздновали день ангела Манички Воскресенской. Было 5 девиц и 6 кавалеров: 5 человек семинаристов и Володя. Устроили вечеринку – пели, играли и танцевали. Маня и Юля играли на рояле, а потом их заменяли семинаристы на гитаре и балалайке. Было очень, по-видимому, весело и разошлись около 12 часов. Ужин вышел не очень обильный, так как я не знала заранее, сколько их будет, но кое-что набрали. Был пирог с рыбой, жареный лец, колбаса, кета, сыр, пирожные трёхкопеечные и 2 бутылки вина да 3 бутылки лапинской воды. Десерт: орехи двух родов, конфеты трёх родов и яблоки с апельсинами. Десерт кушали хорошо, а ужинали плохо. Сама я за ужином не сидела, так как боялась стеснить гостей, думала, что барышни одни лучше угостят кавалеров, а оказалось, что барышни занялись только собой, а кавалеры процеремонились и ели совсем мало, так что половина закуски осталась...»

Один из гостей, семинарист 6-го класса, видимо, с Маней не только хорошо знаком, но и смахивает на жениха. С ним она всё время танцевала, сидела, гуляла, рядышком садилась пить чай и ужинать, и во время игр только к друг другу и обращались...

Юлинька была со всеми безразлична, она так худа, бледна, такая жалкая, что ей, видимо, не до женихов. Юлинька очень милая, очень скромная, тихая и деликатная. Маня бойкая, очень самостоятельная и властная...» (г. Симбирск, 1910 год).

К этому времени сын Алексей учился в Московском университете. Он очень беспокоился за мать, которая столько сил отдаёт чужим детям, и отца упрекал в том, что тот не берёт сил, слишком увлекается планами развития просвещения. На подобные упреки Иван Яковлевич отвечал вопросом: «В чём же тогда смысл жизни человека?»

Яковлев последовательно настаивал на изучении родного языка. Он был убеждён: язык умирает только вместе с создавшим его народом,

и требовать, чтобы родной язык народом был забыт, равносильно требованию смерти этого народа!

С 1872-го по 1917 год на чувашском языке было издано около 700 наименований книг, основную часть которых составляла переводная литература. Были изданы Новый Завет и Псалтырь на чувашском языке, «Книга для чтения» Толстого, стихи и сказки А.С. Пушкина, другие классические произведения.

«Грамота – основа всего, – говорил И.Я. Яковлев. – Грамота даст возможность чувашу хорошо изучить русский язык и другие европейские языки, покончит с невежеством и предрассудками, выведет наш народ из нищеты».

Яковлевы вынуждены были покинуть Симбирск в 1922 году. Последние годы они жили в семье старшего сына Алексея в Москве. Екатерина Алексеевна сердечно ухаживала за больным мужем. Она пережила его на шесть лет. Их могилы находятся рядом на Ваганьковском кладбище.

Ольга Шейпак

«Будьте дружны между собой, избегайте мелких счётов и распрей, помните о великом завете Спасителя: любите и ненавидящих вас, и твёрдо надейтесь на жизненную силу уступчивости и снисхождения».

Из завещания И. Яковлева чувашскому народу

Открытие памятника И.Я. Яковлеву. Скульптор В. Нагорнов. 2006 год

Фото Сергея Ойкина